

СТАТЬИ

ЕЛЕНА АРКАДЬЕВНА ГАЛИНСКАЯ

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова***Прогрессивная палатализация
и древненовгородское местоимение *въхе***

Прогрессивная палатализация — один из самых дискутируемых вопросов в исторической славистике. В частности, существует проблема трактовки древненовгородского местоимения *въхе*, в котором отсутствует эффект прогрессивной палатализации. В новгородских берестяных грамотах и во Вкладной грамоте Варлаама Хутынского монастырю насчитывается 23 случая употребления этого местоимения. В 17 из них в корне пишется *ъ* (или *о* в силу графического эффекта), в 7 случаях гласной буквы нет, и лишь в одной берестяной грамоте мы находим *ь* в корне, но эта грамота написана после падения редуцированных, так что *ь* может обозначать ассимилятивное смягчение согласного [в]. Одно из возможных объяснений такой орфографии состоит в том, что *ь* в корне появился в будущем древненовгородском диалекте еще тогда, когда последний находился в составе праславянского языка (такая ситуация допустима, так как известны древненовгородские языковые явления, которые возникли в будущем древненовгородском диалекте в праславянский период и неизвестны другим славянским диалектам). Если это так, то не следует ожидать эффекта прогрессивной палатализации в корне *въх-*, поскольку для нее не было условий — гласного переднего ряда перед **х*.

Ключевые слова: праславянский язык, древненовгородский диалект, прогрессивная палатализация заднеязычных согласных, берестяные грамоты, местоимение *вьсь*.

Прогрессивная (бодуэновская) палатализация заднеязычных согласных до сих пор остается животрепещущей проблемой исторической славистики. По подсчетам Х. Бирнбаума, к тому моменту, когда он несколько десятилетий тому назад писал свою знаменитую книгу, число работ, касающихся прогрессивной палатализации, достигло практически двухсот [Бирнбаум 1987, 102]. Сейчас их количество, конечно же, увеличилось. Если первая и вторая регрессивные палатализации хорошо хронологизируются относительно друг друга (между ними лежит монофтонгизация дифтонгов), то прогрессивная палатализация, кото-

рую часть ученых называют третьей, объективно никак не помещается на временную шкалу относительно двух регрессивных палатализаций. А. Вайан даже полагал, что палатализация перед *ě*, *i* и палатализация после *ĩ* — это одно явление приблизительно одной эпохи, отправной пункт которого один и тот же: развитие новых смягченных заднебных [Vaillant 1950, 55]. Г. Лант, как известно, считал прогрессивную палатализацию древним процессом, протекавшим до первой палатализации в переходный период от позднего индоевропейского языка к раннему общеславянскому [Lunt 1981, 38]. Противоположную точку зрения высказывал, например, Ю. Шевелёв, датируя прогрессивную палатализацию VII–IX вв. [Shevelov 1964, 351]. К позднепраславянскому периоду относят ее и такие ученые, как З. Штибер и А. Лампрехт: первый — к началу VIII в. [Stieber 2005, 73], второй — к концу VII в. [Lamprecht 1978, 146; Lamprecht 1987, 50]. Точные условия протекания и блокировки прогрессивной палатализации также однозначно не определены. Однако, поскольку далее пойдет речь о судьбе местоимения *вьсь*, достаточно сказать, что ни у кого не возникает сомнений в том, что одним из условий прохождения прогрессивной палатализации была позиция заднебного согласного после *ĩ (если палатализация шла в ранний период) или после *ь* (если она осуществлялась поздно).

Прогрессивная палатализация для *x почти ограничена местоимением *вьсь* и его производными. Дело в том, что *x из *s после *ĩ, *ĩ, *r, *k появлялось только тогда, когда звук *s был исконно индоевропейским, а *s, произошедшее из индоевропейского *k′, не давало *x; например, в слове *вьсь* ‘селение’ *s — из *k′ (ср. лат. *vīsis* ‘селение’), которое в *x не переходило.

Имеется еще слово **насмисати сѧ** ‘насмехаться’ (от *смѣхъ* с другой степенью чередования). Оно встречается в русском церковнославянском языке: **вѣси бо подѣтокше на зло вводитъ . по сем же насмисаютсѧ** (Пов. врем. лет. по Лавр. сп., запись 1071 г.) [ПСРЛ 1997, 175]. Зафиксировано и производное **насмисаник** ‘поругание, насмешка’ [Срезневский 1902, 334]. Есть, правда, и глагол **оүсмихатисѧ** ‘насмехаться’: **и ꙗже о хѣдости ризьнѣ мнози ѿ невѣглѣ оүсмихающе сѧ томоу роу҃гахоу҃тъ сѧ** (Жит. Феод. Печ. по Усп. сб. XII–XIII вв.)¹ [Усп. сб. 1971]. Но это не удивительно, так как с прогрессивной палатализацией такие колебания бывают (ср., например, церковнославянизм *стѣза* и русское *стѣга* (> *зга* во фразеологизме *ни зги не видать*). Однако поскольку материалом дальнейшего исследования служат берестяные грамоты, в которых слова **насмисати сѧ** нет, оно упоминаться больше не будет, а материалом для рассуждений останется местоимение *вьсь*.

прогрессивной палатализации: *оусерлзи* ‘серьги’ НБГ № 429 (2-я пол. XII в.), то есть до какой-то степени палатализация для *g в древненовгородском диалекте могла пройти.

Для *x, однако, как уже сказано, эффект прогрессивной палатализации полностью отсутствует.

Такая картина, когда звуки одного класса в одних и тех же условиях ведут себя по-разному, не может не смущать ученых: древненовгородское местоимение *въхе* ‘весь’ выбивается из общего ряда. И этому находят разные объяснения.

Так, Г. Лант просто исключил из рассмотрения вопрос о прогрессивной палатализации для *x и счел, что она действовала только применительно к *k и *g, поскольку для местоимения *вьсь, по его мнению, неизвестна точная этимология — оно может восходить как к **wiX-*, так и к **wis-* [Lunt 1981, 37; Lunt 1989, 37–38]. Здесь имеется в виду тот факт, что в пользу исконного индоевропейского происхождения *s, которое в праславянском переходило в *x, говорит с л а в я н с к и й материал (данные западнославянских языков, где имеется рефлекс *š*), б а л т и й с к и й материал: лит. *visas*, лтш. *viss*, др.-прусск. *wissa-* ‘весь’ [см.: Фасмер 1986, 304] (индоевропейское *s давало прабалтийское *s или *š, если шел переход, аналогичный переходу *s > *x в праславянском, а индоевропейское *k’ давало только *š; поэтому балтийские формы с [s] говорят в пользу индоевропейского *s) и д р е в н е и р а н с к и й : *vīspa-* [см.: там же] (и.-е. *k’ > иранск. *š перед согласным [Brugmann, Delbrück 1897, 643–644] и *s перед гласным [там же, 603]). Но однозначную этимологию затрудняет др.-инд. *vīcvas* ‘каждый, весь, целый’ [см.: Фасмер 1986, 304], так как *ç* ([š]) в древнеиндийском получалось из *k’. Однако, поскольку славянские языки однозначно свидетельствуют в пользу и.-е. *s, которое перешло в *x, проблему с индийским *ç* ([š]) должны решать индологи, а не слависты. Так что исключать из рассмотрения судьбу *x в связи с прогрессивной палатализацией нельзя.

Я.И. Бьёрнфлатен предположил, что наличие [x] в новгородских формах местоимения *вьсь* — это инновация, обусловленная диалектным переходом [s] > [x], известным псковским говорам и в других словах [Bjørnflaten 1990, 322–323], то есть у него получилась цепочка: *s > *x > s’ > x.

А.А. Зализняк подверг критике гипотезу Я.И. Бьёрнфлатена, говоря, что если бы это было так, то получились бы формы *въхе ‘всё’, *въхего ‘всего’, *въхеѣ ‘всей’, (Р. ед.), *въхеи ‘всей’ (Д. ед.) и т.д. (сочетание *хе* в древненовгородском диалекте было возможно), тогда как на самом деле древненовгородский диалект демонстрирует в этих формах только

окончания твердого варианта склонения (-о, -ого, -оѣ, -ои и т.д.), кроме того, переход [s] в [x], хорошо засвидетельствованный в псковских говорах, почти отсутствует в новгородских, между тем как материал, связанный с *въх-*, — именно новгородский [Зализняк 2004, 46]. По мнению А.А. Зализняка, *x просто не обнаруживает в древненовгородском диалекте эффекта прогрессивной палатализации [там же, 45].

Однако представляется, что можно было бы в качестве альтернативы допустить еще одну гипотезу. Дело в том, что во всех случаях, кроме одного (т.е. в двадцати двух, включая грамоту Варлаама), в корне местоимения пишется ъ (или о в силу известного графического эффекта мены букв ъ и о в бытовой системе письма) либо гласной буквы нет вообще, когда отражается падение слабого редуцированного (таких случаев всего пять). Весь имеющийся материал выглядит следующим образом.

Формы с ъ в корне

И. ед. м. р. **ВОХЪ** (в стандартной записи <въхе>) НБГ № 351 (кон. 60-х–70-е гг. XIII в.): **и товаръ вохъ кль** ‘и товар весь цел’⁴;

В. ед. м. р. **ВЪ[Х]Ъ** НБГ № 297 (20-е–сер. 40-х гг. XV в.): **стогъ гнѣ твои ржанъи четверетъни тати покрали овиновъ патъ свезли въ[х]ъ** и (далее обрыв грамоты) ‘стог ржи, господин, твой четвертной воры раскрали, овинов на пять, свезли весь...’⁵; **ВЪ ВЪХЪ** НБГ № 806 (60-е–80-е гг. XII в.): **з[а](сла)ло въ погостъ въ въхъ** ‘заслал в весь погост’.

И. ед. ср. р. **ВОХО** (в стандартной записи <въхо>) НБГ № 100 (40-е–70-е гг. XIV в.): **а вохо то мнѣ** ‘а всё это мне’; НБГ № 390 (посл. треть XIII в.): **вохо мое** ‘всё моё’;

В. ед. ср. р. **ВЪХО** НБГ № 818 (40-е–70-е гг. XII в.): **а се даю въхо братоу** ‘всё это я даю брату’; **ВОХО** (в стандартной записи <въхо>) НБГ № 439 (1180-е–1210-е гг.): **азо ти олово попродале и свинеце и клепание вохо** ‘а я олово распродал и свинец и весь кованный товар’.

И./В. ед. ср. р. **ВЪХО** НБГ № 893 (вт. четв.–сер. XII в.): **и чьревне и въхо** ‘и потроха и всё’; [**В]ОХО** НБГ № 943 (посл. четв. XII в.): [**а в]охо ти ...** (далее обрыв).

Р. ед. (род неизвестен) [Ū] В[ЪХО](ГО) или [Ū] в[ъхо](и) НБГ № 185/184(70-е–нач. 80-х гг. XIV в.): **поклонъ ко Захари і ко Дми[итру]** | [**Ū] в[ъхо](го)...** (далее обрыв, перевод невозможен).

В. ед. ж. р. **В[Ъ]ХОУ** НБГ № 736а (10-е–30-е гг. XII в.): [**ц]и естъ саме в[ъ]хоу [ли]хв[оу вѣд]але** ‘отдал ли он сам всю лихву’⁶.

Р. ед. ж. р. **ОТЪ ВЪХОѢ** НБГ № 850 (30-е–50-е гг. XII в.): **поклананье Ѡ Бъръзда и отъ Поутеши и отъ въхоѢ дроужинѣ Петръкоу** ‘Поклон

от Борза, Путьши и всей дружины Петроку?; **ВОХОИ** НБГ № 1021 (вт. пол. XII в.): **а бль вохон** :г: **тысачь и пло⁷ трьтня сорочька** ‘и всего беличьих шкурок 3100’.

Д. ед. ж. р. **КЪ ВОХЪИ** НБГ № 433 (20-е–30-е гг. XII в.): **и къ вохъи** [б](р)ат[ъ](ѣ) **поклан[а](нне)** ‘и ко всем братьям поклон’.

И. мн. м. р. **ВОХЕ** НБГ № 670 (сер. 50-х гг. XII в.–нач. 1210-х гг.): **(ст)[орови] ти есме вохе** ‘мы все живы-здоровы’; **ВОХИ** НБГ № 497 (40-е–сер. 80-х гг. XIV в.): **ми вашего солова вохи не восстави**мо (грамота со скандирующим эффектом) ‘мы все вашего слова не забудем’.

И. мн. или И. ед. м. р. **ВОХЕ** НБГ № 437 (1190-е–1200-е гг.). Грамота состоит из обрывков, вычленив синтагму с формой *вохе* невозможно.

Формы без ъ в корне

Р. ед. м./ср. р. **ВХОГО** НБГ № 211 (сер.–трет. четв. XIII в.): :е: **гриве-но вхого** ‘в общей сложности пять гривен’; **Ъ ХОГО** НБГ № 463 (кон. XIII–нач. XIV в.): **поклонъ ѡ Федора и ѡ Кузьми и ѡ хого десникл⁸** ‘Поклон от Федора и от Кузьмы и от всего десятка (?)’.

В. еж. ж. р. **ВХОУ** Вкладная грамота Варлаама Хутынского (1192–1210 гг.): **вхоу же тоу землю хоутиньскою** ‘всю эту хутынскую землю’.

В. мн. м. р. **НА ВХЫХЪ** НБГ № 359 (кон. XIV–нач. 20-х гг. XV в.): **а село а на вхыхъ се грозитьце у Ладогу звати** ‘а что касается [жителей] села, то он всем [им] грозитя вызвать [их на суд] в Ладогу’.

Т. мн. **СО ВХИ[МИ]** НБГ № 492 (сер.–вт. пол. XIV в.): **со вхим[и] за[лѣ]шин[а]не** (грамота состоит из обрывков) ‘со всеми’ (жителями деревни, название которой точно не восстанавливается)⁹. Здесь представлен эффект изменения **ѣ** в **и** в неличных местоимениях твердого варианта склонения.

Заметим, что в шести грамотах, где в корне местоимения пишется **ъ** (или **о** в силу графического эффекта), не отражается падение редуцированных: **в[ъ]хоу** НБГ № 736а (10-е–30-е гг. XII в.); **къ вохъи** НБГ № 433 (20–30-е гг. XII в.); **отъ въхоѣ** НБГ № 850 (30-е–50-е гг. XII в.); **въхо** НБГ № 893 (вт. четв.–сер. XII в.); **въхо** НБГ № 818 (40-е–70-е гг. XII в.); **въ въхъ** НБГ № 806 (60-е–80-е гг. XII в.). Это значит, что тут действительно произносился [ъ].

Есть лишь одна грамота, где в корне местоимения пишется **ь**. Это грамота № 87 (посл. четв. XII в.), от которой сохранилось только начало: **ѡ Дрочке ѡ папа пѣклананне ко Демельноу и къ Минне и къ Ваноу-коу и къ въхемо вамо добре створа** ‘От попа Дрочки поклон Демьяну и Минне и Ванку¹⁰ и всем вам. Пожалуйста, ...’ (далее следовала какая-то просьба).

А.А. Зализняк объясняет формы с *ъ* в местоимении *весь* тем, что уже в раннюю эпоху *ь* переходил в *ъ* и наоборот (*ъ* в *ь*) в силу ассимиляции с гласной следующего слога [Зализняк 2004, 54] (например, в формах **в[ъ]хоу** НБГ № 73ба, *въхо* НБГ № 893, **отъ въхоѣ** НБГ № 850): “в основе **въх-* *ь* перешел в *ъ* в позиции перед слогом с задней гласной, но сохранился перед слогом с передней гласной (например, в словоформе <**въхѣмъ**>)” [там же, 55]. Далее происходило обобщение, и начальное [въ] либо возникшее из него после падения редуцированных начальное твердое [в] появляется перед слогом с гласным переднего ряда (например, в формах И. мн. **вохе** НБГ № 670, И. мн. (или И.ед.) **вохе** НБГ № 437, И. ед. **вохъ** <**въхѣ**> НБГ № 351, И. мн. **вохи** НБГ № 497). Аналогичные примеры из ранних грамот (то есть написанных до падения редуцированных), по мнению А.А. Зализняка, подтверждают возможность наличия межслоговой ассимиляции: **възѣмъ** НБГ № 246 (сер. XI в.), **възлмъ** НБГ № 915 (трет. четв. XI в.), **въз[ьми]** НБГ № 181 (трет. четв. XI в.) [там же].

Однако многочисленность написаний с корнем *въх-* позволяет еще раз проанализировать собранный к настоящему моменту материал и предложить его альтернативную трактовку.

Как было показано выше, в грамотах, не отражающих падения слабых редуцированных, в основе *въх-* пишется только **ѣ**. В грамоте же №87 (посл. четв. XII в.), единственной, где в корне пишется **ь** (**къ въхе-мо**), есть четыре позиции (кроме предлогов), где был слабый редуцированный. В двух случаях отражено его падение: **Дрочкѣ**, **створаѣ**. Сохранена буква редуцированного тоже в двух случаях: **въхе-мо** и **Ванѣоуоу** (описка – **оу** вместо **о**, которое, в свою очередь, появилось вместо **ѣ** под влиянием **оу** в следующем слоге), и плюс к этому предлог **къ** четыре раза написан с **ѣ/о**. Эти данные указывают, по всей видимости, на то, что автор грамоты слабых редуцированных уже не произносил, так что буква **ь** в форме **въхе-мо** гласного, скорее всего, не обозначает, а может свидетельствовать об ассимилятивном смягчении [в] перед [х’].

Если написание **въхе-мо** возникло после падения редуцированных, то со всей убедительностью доказать, что *ь* сохранялся в каких-то случаях, когда дальше шел гласный переднего ряда, видимо, затруднительно. Иначе говоря, примеров, которые бы с уверенностью демонстрировали именно гласный звук [ь] в корне, у нас нет. Все, что мы видим, – это [ъ] в корне до падения редуцированных, и когда он возник, непонятно. Поэтому можно предположить, что *ъ* в основе местоимения *въхе* возник в будущем древненовгородском диалекте еще тогда, когда он находился в рамках праславянского языка, и эта инновация не затронула весь

остальной праславянский мир. Такая ситуация возможна, поскольку мы знаем аналогичные случаи: окончание *И*. ед. ч. м.р. твердого варианта *о*-склонения *-е* представлено только в древненовгородском диалекте, и оно праславянского происхождения, что свидетельствуется местоимением *кето*, напр.: **кѣто** Бер. гр. из Старой Руссы № 12 (перв. пол. XII в.); **кѣтъ** (с графическим эффектом замены *о* на *ъ*) НБГ № 891, 20-е–30-е гг. XII в.), в котором [е] вместо [ъ] появилось в глубокой древности, когда местоимение отчетливо членилось на основу, окончание и частицу (или местоимение) *то*. Точно так же в рамках одного будущего древненовгородского диалекта в праславянский период сформировался синкретизм Р.-Д.-М. обоих вариантов *а*-склонения с окончанием *-ѣ* (эти формы видны в составе полных прилагательных, образование которых относится к праславянской эпохе).

Таким образом, если допустить, что *ъ* в корне у местоимения **vъхъ* возник в праславянскую эпоху, то для этого корня и не следует ожидать эффекта прогрессивной палатализации в древненовгородском диалекте, потому что для нее нет условий — гласного переднего ряда перед **х*. Если такое предположение вероятно, можно думать, что прогрессивная палатализация происходила в достаточно поздний праславянский период, потому что, когда она стала осуществляться, в рамках праславянского языка уже успел выделиться будущий древненовгородский диалект, который к моменту действия палатализации заменил *ь* на *ъ* в слове **vъхъ*.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В старославянских текстах только **смиати са**.
- ² Новгородские берестяные грамоты цитируются по изданию: [Зализняк 2004].
- ³ Пример не вполне надежен, так как слово читается без полной уверенности, а грамота представляет собой обрывок.
- ⁴ Здесь и далее перевод А.А. Зализняка.
- ⁵ *Овин* — мера количества зерна. *Четвертной* — четвертной оброк, равный четверти урожая [Зализняк 2004, 648].
- ⁶ *Лихва* — проценты.
- ⁷ **пло** — сокращение с пропущенным ером: ‘пол’.
- ⁸ Грамота с редкой особенностью: после согласной вместо *а* в пяти случаях пишется *а*.
- ⁹ В [Зализняк 2004] перевода нет.
- ¹⁰ То есть Иванку.

ЛИТЕРАТУРА

- Björnflaten J. I., 1990: The Birch Bark Letters Redeemed, *Russian Linguistics*, Vol. 14, № 3, 315–338.
- Brugmann K., Delbrück B., 1897: *Grundriss der Vergleichenden Laut- und Formenlehre der indogermanischen Sprachen*. Bd. 1, Teil 2. Strasburg.
- Lamprecht A., 1978: Praslovanština a její chronologické členění, in *Československé přednášky pro VIII. mezinárodní sjezd slavistů v Záhřebu. Lingvistika*. Praha, 141–150.
- Lamprecht A., 1987: *Praslovanština*. Brno.
- Lunt H., 1981: *The Progressive Palatalization in Common Slavic*. Skopje.
- Lunt H., 1989: The Progressive Palatalization Early Slavic: Evidence from Novgorod, *Folia Linguistica Historica*, Vol. 10/1–2, 35–59.
- Shevelov G.Y., 1964: *A Prehistory of Slavic*. Heidelberg.
- Stieber Z., 2005: *Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich*. Warszawa.
- Vaillant A., 1950: *Grammaire comparée des langues slaves*. T. I. Phonétique. Lyon–Paris.
- Бирнбаум Х., 1987: *Праславянский язык. Достижения и проблемы в его реконструкции*. Москва.
- Зализняк А.А., 2004: *Древненовгородский диалект*. Москва.
- Зализняк А.А., Янин В.Л., 2013: Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2011 и 2012 гг., *Вопросы языкознания*. № 4, 3–16.
- Минлос Ф.М., Терентьев В.А., 2002: Рус. диал. вѣх. Этимология, in *Studia Linguarum*. Vol. 3, 517–545.
- ПСРЛ 1997: *Полное собрание русских летописей*. Т. I. Лаврентьевская летопись. Москва.
- Срезневский И.И., 1902: *Материалы для словаря древнерусского языка*. Т. 2. Спб.
- Усп. сб. 1971: *Успенский сборник XII–XIII вв.* Москва.
- Фасмер М., 1986: *Этимологический словарь русского языка*. Т. I. Москва.

ELENA A. GALINSKAYA

The Progressive Palatalization and the Old Novgorodian Pronoun *въхе*

The progressive palatalization is one of the most debatable questions of the historical Slavic linguistics. For instance, there is no plausible explanation for the Old Novgorodian pronoun *въхе* which does not exhibit the effect of the progressive palatalization. It is attested 23 times in the Novgorodian birch bark letters and in Varlaam's letter. In 17 cases, there is *Ъ* in the root, in 5 cases the root has no vowel, and only in one birch bark letter there is *В* in the root. The latter text was written after the fall of yers which makes it possible that *В* marks the assimilative palatalization of [v]. I propose a possible explanations for this situation and argue that *Ъ* in the root predates the split-off of the Novgorodian dialect from Common Slavic. It is a plausible hypothesis since there are Novgorodian

phenomena which came into existence during the Common Slavic period and are unattested in other Slavic dialects. If it is so, there is no need to expect the progressive palatalization in the root *vъx-* because there were no conditions for that, as there is no front vowel before *x*.

Key words: the historical Slavic linguistics, the progressive Palatalization, old Novgorodian dialect, birch bark letters, the Common Slavic, pronoun *vъxe*

JELENA A. GALINSKAJA

Progresyvioji palatalizacija ir senojo Naugardo dialekto įvardis *vъxe*

Progresyvioji palatalizacija (kitaip vadinama trečioji palatalizacija) – vienas iš dažniausiai diskutuojamų diachroninės slavistikos klausimų. Problemiškas yra senojo Naugardo (Novgorodo) dialekto įvardžio *vъxe* traktavimas, nes įvardžio formos neturi progresyvosios palatalizacijos refleksų. Naugardo parašytuose ant beržo tošies raštuose ir Valaamo dovanojimo Chutino vienuolynui akte užfiksuoti 23 šio įvardžio vartojimo pavyzdžiai, 17 iš jų turi raidę **ѣ** (arba **ѡ** dėl tam tikrų gramatinių sąlygų) įvardžio šaknyje, 7 pavyzdžiai – be balsio; tik viename ant beržo tošies parašytame rašte randame įvardžio šaknyje **ѣ**, bet šis dokumentas parašytas po redukuotų nunykimu, tad **ѣ** čia gali žymėti asimiliacinį priebalsio [v] minkštumą. Vienas iš galimų tokio užrašymo būdo aiškinimų – *ѣ* šaknyje pasirodė būsimajame senajame Naugardo dialekte dar tuomet, kai pastarasis buvo praslavų kalbos dalimi (tokia prielaida yra leistina, nes šiame dialekte užfiksuoti kalbiniai reiškiniai, kurių atsirado būsimajame senajame Naugardo dialekte dar praslavų epochoje ir jie nežinomi kitiems slavų dialektams). Jeigu prielaida teisinga, tai negalima laukti progresyvosios palatalizacijos refleksų įvardžio šaknyje *vъx-*, nes tam nebuvo sąlygų, t. y. priešakinės eilės balsio prieš *x.

Reikšminiai žodžiai: praslavų kalba, senasis Naugardo dialektas, progresyvioji užpakalinių priebalsių palatalizacija, ant beržo tošies parašyti raštai, įvardis *vъсь*.

E-mail: eagalinsk@mail.ru

Поступило в редакцию: 15 апреля 2014 г.

Принято к печати: 10 мая 2014 г.